

Приложение **к книге Анны Алескеровой "Нерастин":** **интервью с Автором**

23 февраля 2012 г., Новополюцк

Тереза Стизорик: Спасибо за гостеприимство, твой дом такой уютный и светлый... Ты умеешь сделать так, чтобы человек, с которым ты видишься впервые, почувствовал себя как в доме своих родных.

Анна Алескерова: Я действительно почувствовала в тебе родственную душу. Мы общались по телефону всего несколько раз и увиделись только вчера, но мне кажется, у нас с тобой позади уже много лет дружбы...

Тереза: Давай поговорим о "нашем": о литературе, детстве и духовности... Расскажи для начала, кто твои любимые Авторы.

Анна: Мне нравится, как писали для детей Агния Барто и Самуил Маршак, нравятся сказки Пушкина, хотя из его стихов люблю далеко не всё. Из "взрослых" поэтов запомнились Эдуард Асадов, Сергей Видулов, Анна Ахматова, Юлия Друнина. На духовные темы говорят близкими мне словами Виктор Афанасьев и Евгений Санин, наши белорусские поэтессы Елена Михаленко и Елена Пименова.

Тереза: Ты видишь параллель между своими пристрастиями во взрослой и в детской литературе?

Анна: В любых произведениях – ищу прежде всего *чистоты намерений*, доброты посыла, с которым Автор писал эти строки. Поэтому можно сказать, что все мои любимые стихи объединяет добрый посыл.

Тереза: Сыграем в "найди различие"... В чём различие между состояниями души при написании стихов для детей и взрослых?

Анна: Лично у меня – различия мало, потому что я не пишу для взрослых того, что постыдилась бы прочесть ребёнку. А вот когда *перечитываешь* то, что писала для детей и для взрослых, ощущения, конечно, разные: детские стихи – возвращают в состояние умиления, ко взрослым – отношение более критичное, здесь больше суда над собой, над своими словами и чувствами.

Тереза: В чём различие между "славянскими" и "западными" детскими стихами?

Анна: Я особо не читала западных детских поэтов, поэтому не могу сравнить. Но то, что я вижу в западных мультфильмах, меня пугает. Славянские мультфильмы добрее и мудрее.

Тереза: В чём различие между стихами, написанными взрослым для детей, и сочинёнными самим ребёнком?

Анна: Если люди – по-настоящему одарённые, то различия может и не быть, насколько бы один ни был старше другого. Если говорить о технике, то её особенности вряд ли определяются возрастом, а если о содержании, то и ребёнок может мыслить как взрослый, и взрослый может понимать детей как равный.

Тереза: В чём различие между восприятием ребёнком стихов, прослушанных в студийной записи и в прочтении родителями?

Анна: Личное прочтение намного теплее, и родитель может воспитывать ребёнка самой интонацией, передавая ему своё отношение к прочитанному. **В личном общении родителей и ребёнка – должно присутствовать нечто художественное, а в их творческом общении – должно быть что-то личное, и так вырастают дети с красивой душой.**

Тереза: В чём различие между детьми 20-го века и детьми 21-го?

Анна: Раньше дети были более наблюдательными и открытыми, сейчас они – менее вдумчивые, более зажатые. И это не вопрос личностных качеств, просто вся современная жизнь построена так, что открытым – быть страшно, а задуматься –

некогда. Родители должны вовремя указать ребёнку на альтернативу, но они, как правило, сами её не видят...

Тереза: Какие требования к Переводчику ты как Автор считаешь первостепенными?

Анна: Бережное и уважительное отношение Переводчика к *смыслу* стихотворения, чтобы ему самому *не хотелось* тот переворать. Безусловно, чистая душа: чтобы человек мог открыть её Автору, и чтобы не опошлял то, к чему прикасается. И желательно – тот особый дар, который Бог дал тебе: дар своим пересказом – *украшать* оригинал. К твоим переводам у меня вообще нет претензий.

Тереза: Да, да, хвали меня, хвали – после того, как мы тут спорили, у кого из нас хуже рифмы ☺ ☺ ☺!!!

Анна: ☺ Мы не об этом спорили, а о том, что художественней и музыкальнее – когда рифмы более точные или менее точные. Тебе нравятся неточные, а мне точные, и мы объясняли друг другу, почему...

Тереза: Но в одном нашем *соавторстве* – нужно было выбирать между нашими вкусами... Я говорила, что "посмотри" и "костры" в твоих строках – это даже не "неточная", а вообще не рифма, а ты говорила, что она гораздо точнее, чем моя "с холодком" – "под дождём", и вот эти слова точно – вообще не рифма ☺. Но Бог с нами, с кострами и холодками, мне понравилось то, как закончился спор: ты оставила мою Нерифму, а я твою, и мы продолжили мирно и весело общаться, хотя многие авторы съели бы друг друга на месте.

Анна: Дело в том, что я не стала бы писать в соавторстве с тем, кого мне трудно принять как человека – со всем, что есть в нём, а если я принимаю человека, я смогу принять и его слова – такими, как он их высказал: у меня будет своё мнение, но при этом не будет обид и уж тем более – агрессии.

Тереза: Назови основные составляющие хорошего стихотворения для детей.

Анна: Уже упомянутая доброта, зёрна которой остаются в сердце и потихоньку прорастают. Красота сложения, благодаря которой ребёнок полюбит звучание поэзии. И доступность. Стихотворение может быть написано не слишком просто, смысл может не лежать на поверхности, но ребёнок должен хотя бы понимать, о чём разговор и *над чем* можно задуматься. Слишком запутанные стихи – только сеют хаос в детском сознании.

Тереза: На какие темы особенно приятно писать детские стихи?

Анна: На игровые. Когда подсмотрела детскую игру – или твой сюжет может легко превратиться в неё сам (некоторые мои стихи, к примеру, ставили как весёлые сценки в детском саду). А ещё приятны моменты, когда понимаешь, что вот сейчас, прямо сейчас – ты смотришь на красоту мира глазами ребёнка.

Тереза: А какие темы – в детских стихах лучше не затрагивать?

Анна: Темы насилия, унижения, человеческой низости в целом.

Тереза: Но, зная, что дети так или иначе столкнутся с жестокостью жизни, не нужно ли подготовить их в более щадящей, *художественной* форме?

Анна: Нет. Дети и так знают, "что такое хорошо, что такое плохо", это в них заложено. Не надо искусственно разжигать в них интерес к плохому – красочными рассказами о плохом.

Тереза: Что, по-твоему, больше всего нравится в детских стихах самим детям?

Анна: Насколько я замечала, то же, что и мне: *игривость*. Когда в то, о чём написано, можно сыграть.

Тереза: Может, точнее – назвать это не игривостью, а *сюжетностью*?

Анна: Может и так. Дети не любят бессюжетную поэзию, если только это не тексты ритмичных песенок, где вместо слов сгодилось бы любое "тра-та-та".

Тереза: Как воспринимали твои дети стихи, им посвящённые?

Анна: С улыбкой. Улыбались и выбранным сюжетам, и тому факту, что их мама умеет не только писать серьёзные стихи и молитвы, но и "хулиганить" в творчестве.

Тереза: Какое-то стихотворение из "Нерастина" стало для них самым любимым?

Анна: Для старшей дочери – это было стихотворение "Мама рисует счастье", не столько из-за самих строк, сколько потому, что оно было одним из первых, написанных специально для неё и о нас с нею. Для младшей – это стихи "Червячок", "Лапки", "Нерастин".

Тереза: "Червячок" – и моё любимое!!! Сколько бы ни перечитывала, на строчке "червячок же всё молчал" – улыбаюсь до ушей! А у тебя самой – какое любимое?

Анна: Пожалуй, "Место жительства". Оно такое *жизненное*...

Тереза: Ты писала много детских стихов, пока твои дети были маленькими, а сейчас пишешь детское крайне редко. Для "чужих" детей пишется не так, как для своих?

Анна: Да нет, не в этом дело. Просто между моей работой воспитателем детского сада и преподавателем воскресной школы – был значительный перерыв в общении с малышами, и это не могло не сказаться на вдохновении. Сейчас, когда я снова в кругу детей, оно уже возвращается...

Тереза: Какие чувства ты испытала, когда твоя младшая дочь Юля написала своё первое стихотворение?

Анна: Радость, что мой ребёнок унаследовал мой талант, а значит, между нами *ещё больше общего*, чем мы думали.

Тереза: Ты пыталась передать ей свои представления о сочинительстве?

Анна: Да, было немного. Хотелось – *подсказывать*. И она это принимала, сама ждала совета, показывая новое. Сейчас она больше рисует, и это тоже – такая радость!

Тереза: Лучше ограждать детей-поэтов от внимания или учить их правильно к нему относиться?

Анна: Лучше учить правильно относиться. Чтобы дети знали, что всё даётся Богом, и наш долг нести людям радость, а *долгом не превозносятся*.

Тереза: Следует ли приобщать малыша ко взрослой поэзии?

Анна: Каждому возрасту – своё, преждевременное вносит сумбур в детские мысли. Материнское сердце должно само почувствовать, что для ребёнка своевременно.

Тереза: Тебе самой читали стихи, когда ты была маленькой?

Анна: Нет, к сожалению. Родители были загружены работой по хозяйству. Но отец играл мне на гармонии, это тоже было приобщением к творчеству.

Тереза: Твоё самое яркое воспоминание из детства...

Анна: Деревенская *берёзовая аллея*, через которую любила ходить в школу. С ней связано первое вдохновение.

Тереза: Какой мультфильм ты считаешь самым художественным?

Анна: Советский мульт "Паравозик из Ромашково".

Тереза: Ты замечаешь разницу в восприятии мира детьми, растущими в семье атеистов, и детьми верующих людей?

Анна: Разница немалая, и к нам в воскресную школу даже специально приводят бестактных и непримиримых детей, чтобы они увидели, что их поведение не норма, что есть другое отношение к ближним, и оно приносит больше счастья. Детям верующих родителей повезло: у них есть то наследство, которое помогает оставаться в чистоте, есть поддержка. У детей неверующих – нет поддержки в стремлении к чистому и высокому, и, увы, стремление это часто ослабевает без понимания со стороны самых близких.

Тереза: Но твои родители были неверующими, а ты сохранила душевную чистоту и без их поддержки...

Анна: Но чего мне это стоило! Какие ошибки я допустила! Как мне не хватало духовного воспитания! Но я не осуждаю моих родителей. Они даже не были *неверующими*, они были – *незнающими*... Если бы нашёлся тот, кто подтолкнул бы их на путь к Богу, они наверняка не стали бы сопротивляться, как другие, но вокруг был разгар атеизма... Они никогда не сказали недоброго слова о Боге, и даже при том,

что оба страдали от алкоголизма, оставались добрыми и человеколюбивыми. И человеколюбие – они мне, к счастью, привили, оно было во мне ещё до прихода к Богу. Если что-то и уберегло меня от больших ошибок в то время, то это моя искренняя любовь к людям.

Тереза: Есть ли зерно правды в том, что люди, достигшие высокого уровня духовности, перестают нуждаться в искусстве?

Анна: Нет! Это неправда! Существует столько примеров, когда глубоко духовным людям – Бог поручал передавать другим свой внутренний свет через творчество! А сколько людей черпало силы для духовных подвигов в чьих-то стихах или картинах, посвящённых красоте души, в которой живёт Бог!

Тереза: Тогда можно ли сказать, что духовный человек начинает нуждаться в истинном искусстве и перестаёт нуждаться в подделках под искусство?

Анна: Именно это и происходит.

Тереза: Может ли любовь к искусству сама служить признаком особой духовности?

Анна: Прямым признаком духовности – нет... Признаком готовности к принятию Бога – да. Если человек тянется к чистой поэзии, к одухотворённым изображениям красоты, в нём уже подготовлено место, которое может заполнить вера.

Тереза: Но некоторые говорят, что эти впечатления сами занимают место веры... Может быть, истинное искусство, о котором мы говорим, – готовит место для Бога, а подделки – занимают то место, что отведено Богу?

Анна: Да. Только истинное искусство может способствовать духовному росту: ты читаешь – и тебе хочется соприкоснуться с подобным, и ты делаешь шаги...

Тереза: ...а тебя встречает Бог...

Анна: Да.

Тереза: Духовные наставники склонны осуждать неотъемлемую от Поэзии мечтательность за её способность искажать Цель и отвлекать от неё. Но я всегда считала, что Мечта, привитая к Цели, только улучшает и умножает плоды стремлений. А по-твоему, Цель и Мечта могут быть одним целым без вреда друг для друга?

Анна: Мечтательность в чистом виде – может отвлечь от чего угодно. Если обычное молоко "убегает", стоит замечтаться у плиты, что же может произойти с более серьёзными вещами... Мечта – вообще не христианское понятие; если мы говорим о приземлённой мечте, то это – Пустота, а если о высокой – это Стремление. Если человек увлекается пустыми грёзами, ни к чему хорошему это не приведёт. Но если он живёт высокими стремлениями, они не помешают ему идти к духовной Цели. Мечта и Цель могут слиться в одно только во втором случае. Поэтому, если мечтаешь о чём-то – в жизни или в стихах, – не ленись анализировать, не стала ли мечта *пустой*, по-прежнему ли это – *высокое стремление*.

Тереза: Выбирая книгу, фильм или спектакль для малыша, по каким приметам можно быстро сориентироваться, посеет произведение мрак или свет в его душе?

Анна: Нужно самому сохранять чистую душу – и она всё подскажет. Человека, искренне стремящегося к свету, намёки на темноту насторожат сразу.

Тереза: А если случилось так, что ребёнок всё-таки столкнулся с произведением, которое нанесло ему душевную травму, как себя лучше вести?

Анна: Не отрицать произошедшего, не создавать иллюзию, что это единичный случай и что он никогда больше с таким не столкнётся, а объяснить ребёнку, что несовершенство мира – это один из самых важных *поводов* быть хорошим и нести свет в душе: мы должны светить и за себя, и за тех, из-за кого другим – становится темно...

Тереза: Есть ли произведение, о котором ты сама можешь сказать, что ему было не место в твоём детстве?

Анна: В моё детство – искусство было политизированным и несколько шаблонным, но оно не было агрессивным и пошлым, так что серьёзно – ничто не оскорбило меня и не ранило.

Тереза: Первое стихотворение, над которым ты заплакала...

Анна: Над детскими, насколько помню, не плакала... А самым первым вообще, от которого проступили слёзы, было стихотворение Протоиерея Валентина Мордасова "Завещание Матери", где старенькая мама в простых трогательных словах наказывает сыну, как её хоронить...

Тереза: Как следует родителям относиться к тому, что бурная фантазия ребёнка находит выход в невероятных историях, сочинённых им о своих друзьях и себе самом?

Анна: Во-первых, нужно самим быть внимательными – и, поощряя детей фантазировать, не учить их хитрить. А разыгравшуюся фантазию – нужно направлять в добрые русла, потому что, если этого не делать, ребёнок очень скоро не придумает прекрасную сказку, а просто некрасиво *заврётся*. Запрещая же малышу сочинять вовсе, можно вырастить материалистичного циника. Правдолюбие вовсе не связано с убожеством воображения.

Тереза: Где проходит та грань, на которой игры детского воображения следует пресекать как недопустимые?

Анна: Безобидное заканчивается там, где понятия добра и зла начинают искажаться и подменять друг друга. Но ребёнок вообще не должен думать, что фантазии безобидны как таковые: до его сознания нужно бережно довести, что эфемерные образы могут влиять на реальную жизнь. Тот вымысел, которым ты себя окружаешь, так или иначе – становится частью действительности, а значит, *ты отвечаешь за то, что придумал*.

Тереза: Самая неправдоподобная история, которую ты сочинила о себе в детстве...

Анна: Другим о себе – я небылиц не рассказывала. Представляла себя Принцессой, с кем не бывало, но все фантазии держала в себе и давала себе отчёт в том, что это только фантазии.

Тереза: Самый ценный урок, который может преподать взрослому ребёнок...

Анна: "Нужно самому быть примером того, чему учишь". Дети сразу распознают фальшь, если им говоришь красивые слова, а в жизни поступаешь по-другому.

Тереза: Я бы назвала Ребёнка *наивным мудрецом*. И я сказала бы то же о хорошем Поэте. Как по-твоему, должен Поэт сохранять долю инфантильности, чтобы оставаться восприимчивым и искренним?

Анна: И не только Поэт! Каждый человек. Господь сказал "будьте как дети", потому что внутренняя "детскость" – помогает сохранить покой и доверие. Если ты "слишком взрослый", тебе будет трудно чувствовать себя защищённым в присутствии Бога, как чувствует себя малыш рядом со своим отцом, и трудно полностью полагаться на Бога, как полагается малыш на своего отца. Ты будешь видеть в мире больше зла, чем добра, и дольше забывать обиды. Твоя радость и твои слёзы – не будут такими чистыми. О восприимчивости и искренности как в творческой жизни, так и в духовной – даже нечего говорить.

Тереза: И вопрос с улыбкой. Если ребёнок понимает стихотворение не так, как ты его понимаешь, ты скорее сочтёшь, что он не дорос до твоего понимания или что перерос его?

Анна: Перерос. Если, конечно, добавил от себя что-то доброе, а не злое. *Порадуюсь* этому. Дети могут досочинить тако-о-ое... Только диву даёшься: и откуда взяли?